

КНИГА ЗА КНИГОЙ

Д. Садовников

ИЗ-ЗА ОСТРОВА
НА СТРЕЖЕНЬ

ДЕТГИЗ

Д. САДОВНИКОВ

ИЗ-ЗА ОСТРОВА НА СТРЕЖЕНЬ

ВОЛЖСКИЕ ПРЕДАНИЯ
И ПЕСНИ

Рисунки А. Парамонова

Государственное Издательство Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР
Москва 1963

Д. Садовников — автор стихотворения «Из-за острова на стрежень», ставшего популярной русской песней. В нашу книжку отобраны для детей давно не издававшиеся стихи этого поэта, прославляющие Волгу и основанные на народных преданиях, легендах, сказках.

ПРЕДИСЛОВИЕ И ПОДГОТОВКА ТЕКСТА

И. ХАЛТУРИНА

ПЕВЕЦ ВОЛГИ

Из-за острова на стрежень,
На простор речной волны
Выбегают расписные
Острогрудые челны...

Все знают эту песню. Её поют от Астрахани до Архангельска, от Минска до Владивостока, поют по всей России уже много десятков лет. Мало кто знает, что эту песню написал Дмитрий Николаевич Садовников. Она была напечатана восемьдесят лет назад в провинциальном журнале «Волжский вестник», и скоро это стихотворение малоизвестного поэта стало народной песней.

Если бы Садовников не написал ничего другого, остался бы автором этой единственной песни, и тогда было бы интересно узнать, что это за человек, потому что не так уж часто песня становится такой знаменитой, такой родной народу.

Но Садовников многое сделал для русской литературы. Он был поэтом, собирателем загадок, народных сказок и преданий, и имя его давно пора сделать известным каждому грамотному русскому человеку.

Д. Н. Садовников родился в 1847 году в городе Симбирске (ныне Ульяновск), который стоит на высоком берегу Волги. Мать его рано умерла. Отец — учитель, образованный человек, много уделял внимания его воспитанию. Он сам стал готовить сына в университет. Мальчик рано пристрастился к чтению, полюбил книги. Девяти лет от роду он составил сборник из всего, что читал о природе, и назвал его «Космос для

детей». Он любил стихи и сам сочинял их и даже переводил иностранных поэтов на русский язык.

Отец умер, когда мальчику было четырнадцать лет; он остался сиротой, стал жить у родных и поступил в Симбирскую гимназию. Нужда или другие неизвестные нам обстоятельства заставили его уйти из седьмого, тогда последнего, класса. Юноша начинает зарабатывать себе на пропитание уроками и целиком отдаётся литературе. Вся его дальнейшая жизнь связана с газетами и журналами; он живёт то в Симбирске, то в Петербурге, обзаводится семьёй, кормится случайными и ненадёжными литературными заработками. Он пишет очерки о Волге, о Жигулях, научно-популярные и критические статьи, переводит иностранных поэтов — Лонгфелло, Петефи, норвежские сказки. Удивительно при этом, что вся литературная деятельность Садовникова поражает своей цельностью. Все его работы составляют как бы часть одного задуманного плана. План этот оказался невыполненным из-за преждевременной смерти автора: Садовников умер тридцати семи лет, не успев даже издать сборника своих стихов.

Что бы ни делал Садовников как литератор, вся его деятельность связана с народом и народным творчеством. Первая его работа — «Загадки русского народа» — лучшее и наиболее полное собрание загадок. Многие из них он записал сам. Он подарил свою книгу Тургеневу, и знаменитый писатель сказал ему: «Просматривал ваш сборник и нахожу его интересным; мне особенно нравится толковая и ловкая группировка загадок». И действительно, «Загадки русского народа» Садовникова отражают не только житейскую мудрость народа, но и его жизнь: и быт — жилище, одежда, домашнее хозяйство, и труд — земледельческие работы в поле, в лесу, на пасеке, и явления природы, и мир животных, и понятия о земле и небе, о времени, о жизни.

Уже после смерти Садовникова вышли в свет его «Сказки и предания Самарского края». Садовников много скитался по сёлам и деревням Волги, сумел найти талантливых, самобытных сказочников, умел их слушать и так записать сказку,

чтобы в ней ничего не потерялось, чтобы вы слышали голос сказочника, его живую речь.

Садовников оставил след в русской литературе как крупный учёный — собиратель народного творчества, как поэт-песенник и также как детский писатель. Его стихи для детей печатались в детских журналах. Для детей Садовников написал и свои стихотворные сказки «Попутный ветер», «Лисичка-сестричка» и побасёнки: «Лень перекатная» и «Хитрый заяц». Эти его сказки близки к народным и по языку и по мысли.

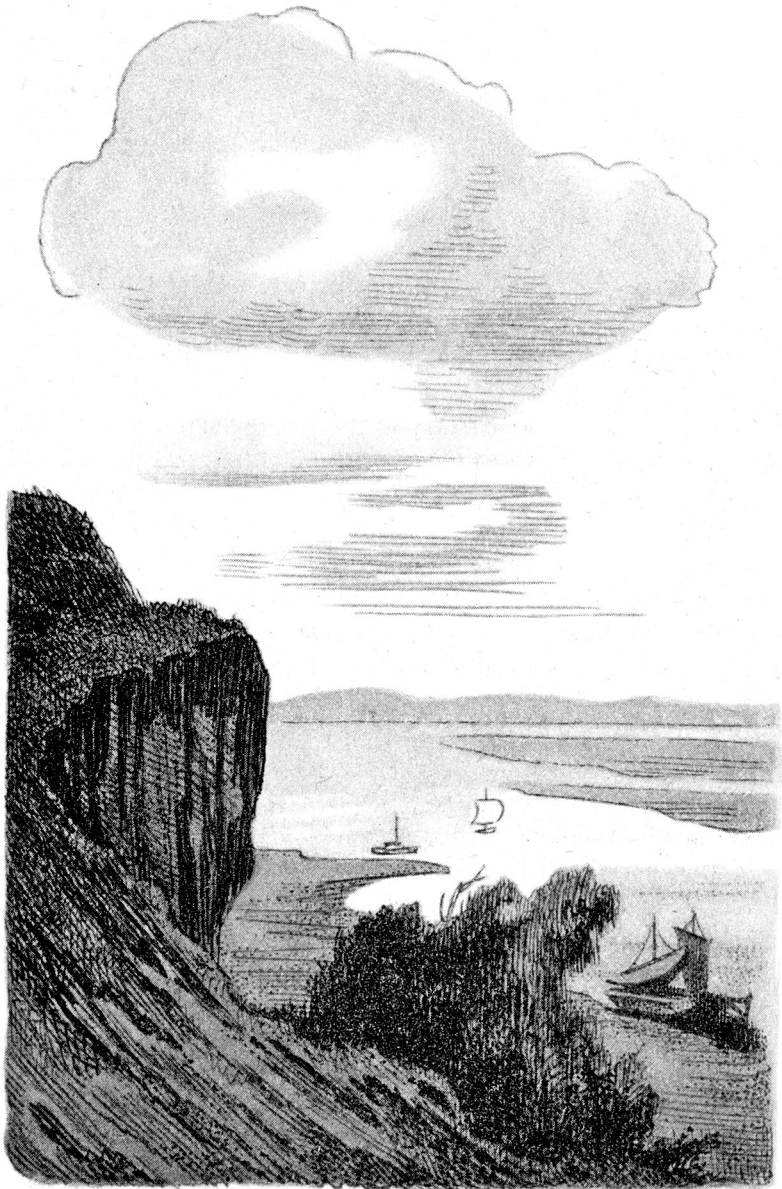
Многие стихи Садовникова посвящены Волге — великой русской реке. «Волга была, если хотите, моей первой любовью, первое представление о прекрасном неразрывно связано с ней», — писал он в одной из своих статей.

Главным героем его поэтических преданий был Степан Разин, о котором ещё Пушкин сказал, что это самое поэтическое лицо в русской истории.

Во времена Садовникова по Волге уже ходили пароходы, но предания о казацкой вольнице на расписных стругах были ещё живы в Поволжье. Разин остался в памяти народа защитником его прав, отцом бедноты и голи, грозой бояр и купцов. Народ придал ему черты богатыря, кудесника, которого и пуля не берёт. «Он до такой степени жив в народной памяти и удалство его было из таких крупных и блестящих, что народ думает о Разине, как о живом ещё человеке, не будучи в состоянии помириться с мыслью, что такой богатырь мог умереть», — писал Садовников, и отзвук этих живых народных преданий мы чувствуем в его волжских балладах и песнях.

В этой маленькой книжке собрано из поэтического наследия Садовникова то, что доступно и интересно детям, — сказки, побасёнки, песни о Волге, легенды о Степане Разине.

И. Халтурин

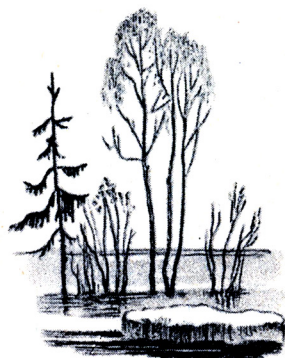
К ВОЛГЕ

Тебе несу стихи, река моя родная,
Они — навеяны и созданы тобой —
Мелькали предо мной, окраскою сверкая,
Как рыбки вольные сверкают чешуёй.

Простор песков твоих, лесов живые краски,
Разливы вешние ликующей воды
И тёмных Жигулей предания и сказки
На них оставили заметные следы.

Я вырос близ тебя, среди твоей природы;
На берегах твоих я речь свою ковал
В затишье вечеров и в шуме непогоды,
Когда, сердитая, ты разгоняла вал...

И я не позабыл, живя с тобой в разлуке,
Разбега мощного твоей живой волны
И вот несу тебе мятежных песен звуки,
Ты навевала их, тобой они полны!..

* * *

Ущелья залиты весеннею водой...
Меж небом и землёй, на голубом просторе,
Красавцы Жигули вздымаются грядой,
Как остров, брошенный в раскинутое море.

Овраги тёмные кой-где ещё таят
Пласты тяжёлые подтаявшего снега,
И горные ручьи, сливаясь в водопад,
Шумят и на реку кидаются с разбега...

Водой подмытые, несутся с крутизны,
Шумя и прыгая, тяжёлые камни,
С собою унося покорных жертв весны,
Прибрежные кусты, в широкое течение...

* * *

Десятки вёрст¹ взбегают горы,
Природный каменный оплот, —
На них не встретят ваши взоры
Ни стен, ни башен, ни ворот.

Над гладью Волги бровью чёрной
Идёт верхами тёмный бор,
Храня ревниво и упорно
Неувядаемый убор.

Вкруг мощных дедов в три обхвата
Стоит редящая рать, —
Она готова брат за брата,
Не отступая, умирать...

То — горсть героев безоружных
Спокойно ждёт своей поры,
Когда придут из сёл окружных
И разом примут в топоры...

¹ Верста́ — старинная русская мера длины, немного больше километра.

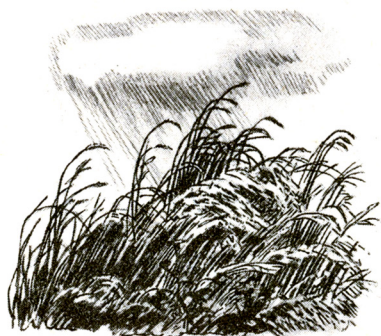
В СТЕПИ

Вот она, родная степь,
Проглянула из туманов,
И синеющих курганов
Обозначилась цепь.

Встречу мне бежит ковыль
Серебристыми волнами,
Позади ложится пыль
Сероватыми клубами.

Надо мной сквозным узором
Тучек движется гурьба,
И повисли ястреба,
Сторожа добычу взором.

Ширь степная раздалась:
Ни лесов, ни гор высоких;
И подолгу ищет глаз
Деревенек одиноких!

ПЕСНЯ КОЛОСИСТОЙ РЖИ

С неба нас печёт немилосердно,
От земли садится пыль на колос.
Пить хотим мы влагу дождевую,
Слушать грома перекатный голос.

Заслони нам, туча, это солнце,
Пожалей, остановись над нами,
Проливным, с весёлою грозою
Обойди засохшими полями.

Не забудь места свои родные,
Где туманом прежде отдыхала,
Где себе под утренние зори
Молодые кудри распрыдала.

И они тянулись, словно пряжа,
Золотая выходящим солнцем,
Пряхю был ласковою — ветер,
Гребнем — лес, ржаное поле — донцем¹.

А когда пройдёт шумящий ливень
Полосами зреющими хлеба,
Пусть опять нас греет это солнце
И глядит с лазоревого неба.

¹ Гребень и донце — части прялки: на гребень нацепляют пучок шерсти или льна, из которого прядут нить, на донце прялки сидит пряха.

Л Е Н Ь П Е Р Е К А Т Н А Я

(Побасёнка)

Шли дорогою две лени.
Жарок день, и долог путь, —
В холодочке хорошо бы
Полежать и отдохнуть.

На краю села большого
Плодовой тенистый сад:
Сливы, яблоки и груши
Хоть кого там соблазнят.

Солнце летнее высоко
Ходит в ясной синеве, —
Прилегли в саду рядочком
Обе лени на траве.

А над самой головою,
Раздражая аппетит,
С целой спелой семьёю
Ветка яблони висит.

Лень глядит и размышляет:
«Вот и яблоки и тень...
Протянуть бы только руку, —
Пораздумывает лень, —

Хорошо ведь, как поспеет,
Да ко мне в открытый рот
Это яблоко, сестрица,
С ветки прямо попадёт».

Отвечает та, зевая:
«Вот охота говорить!
И не лень тебе, я вижу,
Языком-то колотить».

Понемногу догорает
Тёплый летний вечерок,
Лени выбрали ночёвку,
Завалились на стожок.

Как на грех, и загорелся
На заре он. Пламя, дым...
Вот одна сестра проснулась,
Говорит другой: «Горим».

Та ей что-то промычала
И храпит себе опять:
На заре ведь сладко спится,
Так не хочется вставать.

Через силу повернувшись,
Лень скатилась долой;
Только этим и спаслася, —
Не бывать бы ей живой.

Перека тною в народе
С той поры её зовут;
С ней не ладит зачастую
Потовой, суровый труд.

И теперь она гуляет —
То сыта, то голодна;
А про старую леницу
Побасёнка лишь одна.

ХИТРЫЙ ЗАЯЦ

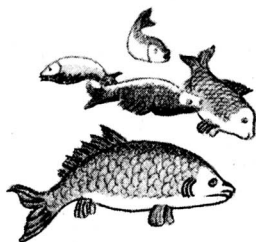
(Побасёнка)

Снегом лес не кроет —
Холодно и жёстко
Дует, озорует
По лесу Морозко.
Подошёл к берёзе,
Стук в неё дубинкой —
Выскочил зайчишко
С серенькою спинкой,
Пробежал немного,
Сел и в ус не дует:
Словно бы мороза
Вовсе и не чует.
«Заяц не боится!
То ли не досада?
Познобить косога
Негодяя надо!
За зиму немало
Познобил народу,
А как зайцы мёрзнут
Не видал и сроду...»

Ну, стучать сильнее,
Выдумал потешку...
Зайцу стало зябко:
Поскорее бежку.
Словно назло деду,
Выскочил к опушке,
Сел на задних лапках,
Ушки на макушке.
Всё трещит по лесу:
Сосны, ели, дубы,
У бедняги зайца
Застучали зубы.
Стонет, бедный, плачет,
Час последний чуя,
А в уме другое:
«Дай-ка обману я!»
Старый так и дует —
Заяц кверху брюхом
Лёг себе, играет,
Не ведёт и ухом.

«Батюшки, как жарко,
Душно, словно летом!
Тяжко в эту пору
Быть тепло одетым!» —
«Впрямь, должно быть, жарко,
Ишь как развалился!
Из чего же, старый,
Я так долго бился?»
Преобидно деду,
Видит, плохо дело:
Бросил, отступился,
Ну и потеплело.
Только потеплело —
Заяц прыг к опушке,
И опять у зайца
Ушки на макушке.

ЛИСИЧКА-СЕСТРИЧКА

Жили старик со старухой;
Раз поехал он на речку,
А жена осталась дома
Истопить в избёнке печку.

Наловил он рыбы много,
Едет к дому с полным возом;
Глянь — лисица на дороге!
Прихватило, знать, морозом.

Слез; лиса не шевелится,
Знай лежит себе в ухабе.
Положил лису он на воз,
«Эх, подарок знатный бабе!»

Едет дальше; а лисичка
Рыбу всю пораскидала,
Из саней в сугроб скатилась,
Поднялась и убежала.

Дед приехал, хвастать начал:
«Я-де с рыбой и с лисицей!
На дороге бог мне подал —
Наряжу тебя царицей!..»

«Где, старик?» — «А вон в санях-то».
Та — к саням. Не тут-то было:
Нет ни рыбы, ни лисицы,
Словно всё водою смыло!

«Ах ты, старый греховодник!
Ишь тебе на ум что вспало;
Обмануть туда же хочет!» —
Крепко баба поругала.

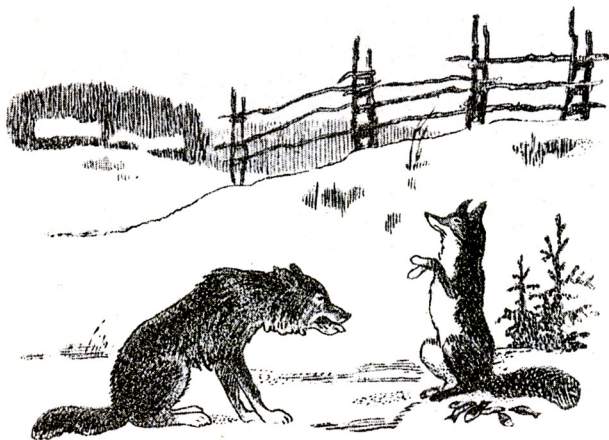
Почесал старик в затылке,
На полати лёг вздыхая —
Горько старому, прегорько:
«Знать, лиса была живая...»

* * *

Волк до леса пробирался,
Поглядел — сидит лисица,
Рыбу ест — он к ней поближе:
«Здравствуй, милая сестрица!

Угости!» — «Нет, братец, сами
Наловите». — «Не с чем взяться...» —
«Да ведь я же наловила?
Так и быть, уважу братца,

Научу: ступайте к речке,
Хвостик в прорубь опустите,
Вынимать не торопитесь,
А потом и потяните».

Волк её послушал сдуру,
Окунулся в прорубь задом,
А лиса — за ним же следом
На снегу уселась рядом.

«Мёрзни, мёрзни, хвост у волка!» —
Рядом сидя, причитает.
«Что ты всё, сестрица, шепчешь?» —
«Это, братец, помогает...

Мёрзни, мёрзни, хвост у волка!»
Досиделся до полночи;
Хвост морозом приковало,
Дёрнул хвост что было мочи...

«Нет... Должно быть, привалило
И не вытащить, пожалуй...
Посижу ещё немного...»
Утро. Баб понабежало,

Кто ведром, кто коромыслом,
Все за волка принялись...
Прыгал, прыгал он, метался,
Хвост возьми и оторвися...

Волк бежит в дубраву куцый,
На сестрицу больно злится.
«Ладно, — думает, — постой же,
Отомщу тебе, сестрица!»

А лисичка той порою
Прыг в раскрытое окошко,
За блинками норовила,
Да ошиблася немножко:

В кадку с тестом окунулась,
Перемазалась и драла
Прямо к лесу; на дороге
Братца-волка повстречала.

«Так-то ты меня учила?
Ведь меня всего избили!» —
«Ах, оставьте, милый братец,
Вы ведь вон идёте, в силе;

А меня чуть ноги ташут!..
Вам-то что? Со мной вот хуже:
Поглядите-ка, голубчик,
У меня мозги наруже».

«Ой! Ой! Ой! И то ведь правда.
Сядь мне на спину, сестрица;
Где тебе, такой калеке,
До дубравы дотащиться...»

Вот лиса на волка села.
Тот несёт себе, хромает,
А она, на братце сидя,
Под нос песню напевает:

«Ох, небитая на битом,
Бит небитого уносит!»
Волк всё слушает сестрицу,
Сам идёт, идёт да спросит:

«Ты чего?» — «Да вас жалею, —
Говорит ему лисица, —
На побитом-то, мол, братце
Едет битая сестрица...»

ПОПУТНЫЙ ВЕТЕР

(Народная сказка)

Ясный день глядится в воды,
Неба ровная лазурь
Не пророчит близких бурь,
Переменчивой погоды.
Вот лебёдок белых стая
На реке разбила стан —
Белогрудый караван
Дремлет, ветра поджидая.
Нет попутному охоты
Двинуть грузные суда,
Чуть колышется вода,
Виснет парус без работы...

1

«Тронься, ветер ты, низóвый,
Полно, будет отдыхать,
Тучей тёмною, свинцовой
Принакрой ты Волгу-мать;
Разведи речную воду,
Беляки седые вспень,
Дай попутную погоду,
Отряхни скорее лень!
Что гуляешь без заботы,
Или волюшка мила?
Позабыл свои налёты
Темнокрылого орла...»

Так пловцы молили долго...
Набежали облака,
Затуманилася Волга —
Мать-кормилица, река.

II

Задался по божьей воле
Ветреный денёк,
Рыщет ветер в чистом поле
Вдоль и поперёк;
Вот хлебами пробегает,
Приутих на миг,
Вот с прохожего срывает
Шапку, озорник.
Покачнулись, зашумели
Тёмные леса;
Пеной волны забелели,
Вздулись паруса.

III

Той порою из села
Старушонка внучке
С торгу бережно несла
На полтину мучки.
Как стерпеть озорнику?
И хитёр и ловок,
Подлетел и всю муку
Выдул из ночёвок.
Пущен по ветру укор:
«Ишь, полтиной медной
Нажился залётный вор
От старухи бедной!»

И нужда-то и беда...
Исстари ведётся:
Чуть где тонко, там всегда
Ниточка и рвётся —
Вся развеяна мука,
И ни грóша денег...
Без родимого сынка
Год-то тяжеленек.

IV

Встречу старухе — служивый как раз,
Не молод, видно, что дока¹;
Выслушал он о покраже рассказ.
«Царь, — говорит, — недалёко...

¹ Дóка — ловкач, знающий хорошо дело.

Счастье твоё, что попался солдат;
Правды — в Москве лишь добиться,
Ветер-то в поле поймает навряд,
А без суда не годится.
Только минуё ты московских судей,
Разных подьячих да дьяков,
Прямо царю ты челом своим бей:
Суд у царя одинаков.
Правду, старуха, тебе говорю...
Ветер пусть по полю рыщет,
Ты же ступай да пожалься царю:
Он виноватого сыщет!» —
«Где мне дойти? Укажи, доведи:
Путь до Москвы тебе ведом...» —
«Ладно, старуха, за мною иди!...»
Робко пошла она следом.

V

Высоки, и светлы, и богаты
Красовались царёвы палаты:
Всюду била в глаза позолота,
Дорогая резная работа,
Залита была в золото даже
В переходах стоявшая стража...

Привели перед грозные очи.
Царь сидел многодумнее ночи
На резном золочёном сиденье,
Рядом — сын, а кругом в отдаленье
Холодна и недвижно угрюма
Заседала боярская дума:
«Что вам надо?» — спросили сурово...
Началось челобитное слово.

VI

Небывалое дело...
Поставлен на миг
Суд прошеньем таким
В неисходный тупик.
Напряжёнno кругом
Все решения ждут,
Призадумался царь,
Что поделаешь тут?
Вдруг сынок молодой,
Ясноокий сокол,
Встал, отцу своему
Речь такую повёл:
«Место царское мне
Уступите на срок:
Я могу разрешить,
Что суду невдомёк!
Мне неведом закон,
И какой я судья,
Но найду, укажу
Виноватого я!»
И тревога видна
В его детских очах,
И дрожит, как струна,
Эта речь на устах.
Царь ответил ему:
«Если чутко в груди
Бьётся сердце твоё,
Так садись и суди!»
И думцам объявил:
«Станет сын, а не я
Буйный ветер судить —
Это воля моя!»

Те не верят ушам.
Царь сказал и сошёл;
Отрок-сын поднялся
На отцовский престол.
От царя услышав
Не суровый отказ,
Окружающим он
Дал немедля наказ:
«Оседлайте коней,
Вы, гонцы-молодцы,
И гоните во все
Городские концы!
Тех купцов, у кого
Есть на Волге суда,
Для допроса ко мне
Приведите сюда!»

VII

Перед очи царёвы
Купцов привели —
У них бороды густы,
Туги кошельи.
На румяных щеках
Горя нет и следа:
Не видали они,
Что такое нужда...
И опять раздался
Голосок молодой:
«Когда ваши суда
Шли низовой водой,
Вы молили о чём:
О здоровье семей,
Барышах ли больших?
Говорите смелей!»

Отвечали купцы:
«Век свой хлеб продаём,
Так молили тогда
Мы известно, о чём:
Как бы снизу задул
По пути ветерок
Да тяжёлую кладь
Довезти нам помог...

Внял моленью господь...
В срок поспели суда...» —
«От молёного гостя
Случилась беда:
Ветер в поле муку
У старухи разнёс,
Набедил и пропал,
Кто заплатит — вопрос.

За покражу теперь
И несите ответ:
Был он на́ руку вам,
Да другому-то нет!
Виноватые вот!
Заплатите с лихвой!» —
И с деньгами пошла
Старушонка домой.

РОДНАЯ РЕКА

Красива Волга мне родная,
Когда весеннею порой,
Луга и нивы затопляя,
Бежит шумливою волной.
И остров, камень изумрудный,
В лазури быстротечных вод,
Вассал, покорный Волге чудной,
Покров свой зимний отдаёт.
Свободно ветер Волгой ходит,
Косным¹ вздувает паруса,
Поверхность рябью ей поводит...
Вдруг буря... Волжская краса
Начнёт заигрывать с волнами;
Валы саженные² встают,
Шумят, бегут и всё растут
И плоский берег перед вами
Блестящей пылью обдают...
Потом за опаденьем вод
Весной река кишит народом;
За пароходом пароход —
Один, другой с тяжёлой баржей...
И шум и крик... Грузят суда;

¹ Косная — косушка, лёгкая парусная лодка на Волге, не для промысла, а для переездов.

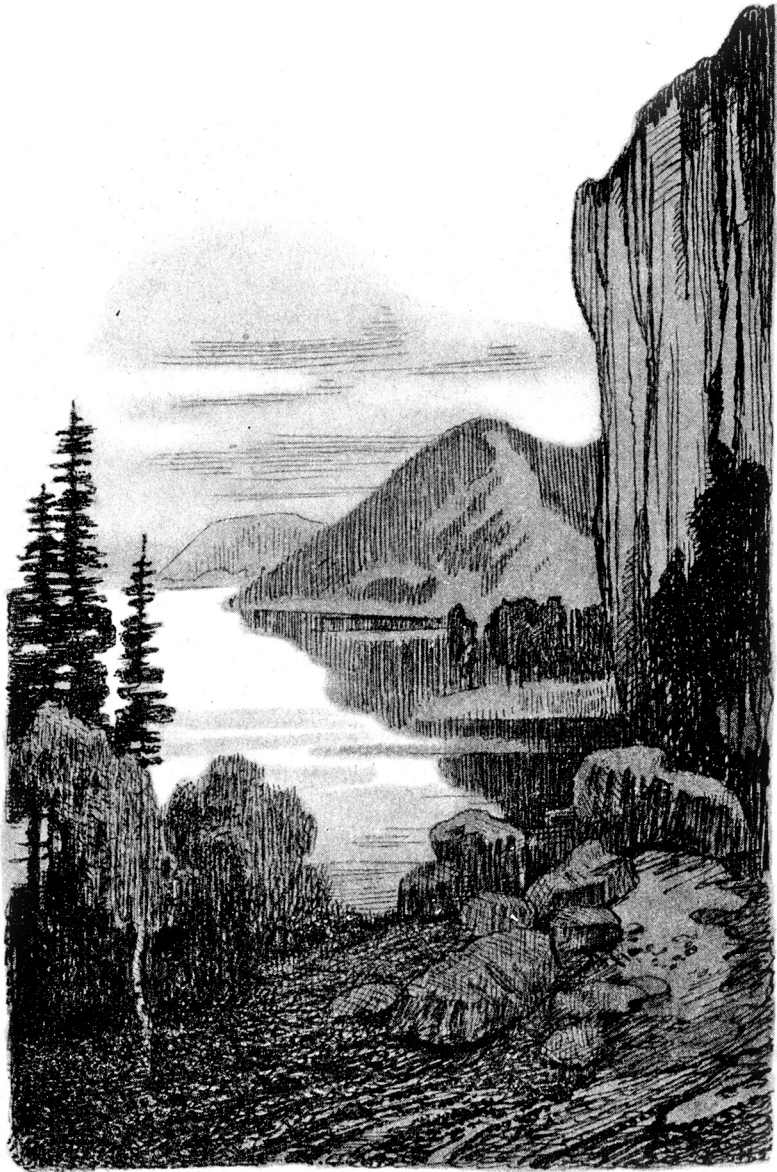
² Сажень — старинная мера длины, немного больше 2 м.

Не устающий никогда
Плывёт рыбак за толстой каржей¹,
Которая на лоне вод —
То пропадает, то встаёт...
Вода сошла, и остров тот,
Что под водой весной скрывался,
Как феникс², над лазурью вод,
Вставал и в зелень одевался...

И Волга лентою обычной
Меж берегами потекла;
И шириною безграничной
Не поражала, но была
Ещё прекраснее: налево
Всё тот же синий ряд холмов,
А там луга, и для посева
Поля, кой-где клочок лесов;
Направо тоже горы были,
Свидетели давнишних дел,
Старинной, пережитой были,
Когда на Волге Стенька пел,
И кровь лилась, и Русь когда
Была слаба и молода...

¹ Карж á — коряга, смываемое в реку дерево.

² Ф é н и к с — сказочная птица, которая, по сказкам, каждый раз возрождается из пепла.

В ЖИГУЛЯХ

Курганы, кручи и вершины
Теснятся в неприветный ряд;
До сей поры они хранят
Свои суровые былины.

Зайдёт ли речь о давней были,
Нам старики передают:
«Здесь из оврага выходили,
Там барки грабили, а тут —

На самой вышке, у Дурмана,
В лесу разбойничий был стан,
Да Стеньки — слышь ты — атамана
Подстерегали караван!..»

Под шапкой утренних туманов
Молчат сосновые леса
Про удалство и чудеса
Давно погибших атаманов...

Давно в горах не свищет пуля,
Кистень в лесу не сторожит;
Лишь чайка в воздухе дрожит,
Свою добычу карауля...

Из труб посёлка дым взлетает,
Земля сохою поднята,
Стучит топор, и выплывают
В горах седые беркута...

Но дух людей, которым тесен
Казался мир в избытке сил,
Родной напев поволжских песен
В своём размахе сохранил.

И песня та путиной долгой —
И величава и стройна —
Несётся вместе с синей Волгой,
Кидая в душу семена...

Кто песню вольную слышит,
Кто от души её споёт,
Любое сердце расколышет,
Любые цепи разобьёт!..

МОЛОДЕЦКИЙ КУРГАН

Отвалили утром рано...
Сквозь туман едва видна
Молодецкого кургана
Неприступная стена.

Он не хочет, непокорный,
Уступить своих границ
И из чаши непрозорной
Выдвигает ряд бойниц.

Под ногами камни роет
Вороватая волна,
Над вершиной ветер воет,
Как в былые времена.

Не звать удалых в гости
Поработать кистенём, —
Бережёт он только кости,
Похороненные в нём.

Подросло иное племя,
Не щадит его оно:
Топором захожим темя
От лесов обнажено...

Роят, рубят — год за годом, —
Человек везде проник;
Что ни день — плывёт с народом
Неуклюжий дощаник...¹

Бабы ягоды собирают,
Над рекою рыбаки
По пещерам разжигают
Вечерами огоньки:

Не вернуть минувшей были...
Но под выступом бойниц
Приютились, гнёзда свили
Стаи диких, вольных птиц...

Каждый день они слетают
Одиночками на лов
И ему напоминают
Славу прожитых годов...

¹ Дощаник — лодка.

И стоит он так же смело,
Хоть усыпали пески
Прочь от каменного тела
Отлетевшие куски...

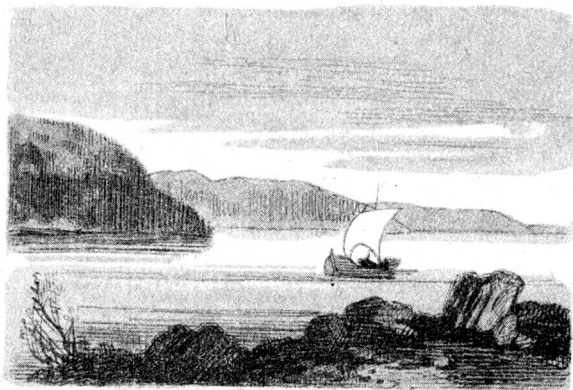

АТАМАН И ЕСАУЛ¹

Исполнилось Стеньке пятнадцать лет.
С Ярославля Стенька в кашевары сел
К именитому разбойнику Уракову.
В кашеварах Стенька недолго был:
Видать соколёнка по напуску,
Видать подростка по замыслу —
Взял его Ураков в подручники,
Что в подручники, в есаулики.
«Не рука тебе, малый, кашу варить.
Давай-ка, Стенька, дружбу водить,
Разбивать посуду мимоезжую,
Богатые сёла на дым пущать!
Прокормила меня Волга-матушка,
Приючали горы Жигулёвские...
Али нам двоим да и места нет —
Атаману Уракову с Разиным?»

¹ Есаул — начальник отряда у казаков.

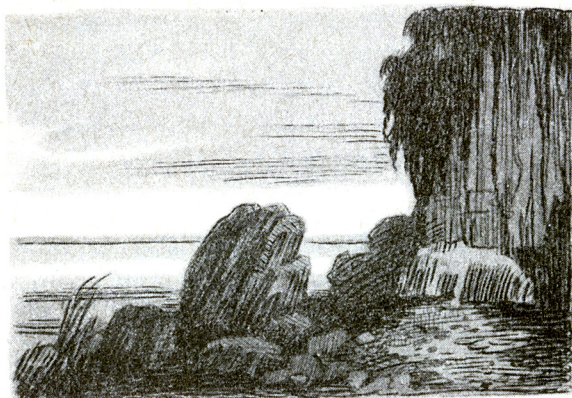

Отвечал Степан на его слова:
«Будет, Иван, да не в вёрсту¹, брат...
Пойти — пойду, чур, не каяться».

На ловца-стрельца и зверьё бежит.
Проплывает раз судёнышко купецкое,
Дорогими товарами полным-полно.
Атамановы глаза разгорелися
Что на те ли на товары на купецкие.
Атаман кричит: «Вон видать одно!»
А Степан ему: «Не^о замай! Бедно!
Коли взял Степана в товарищи,
На такой борошён не заглядывайся,
Поджидай товару настоящего!»

На другое утро богатей того
Проплывает судёнышко купецкое —

¹ Верстáться — сравнивать или равнять себя с кем-либо. Не в вёрсту, не под вёрсту тебе — нечего тебе с ним равняться.

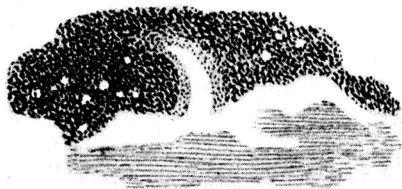

Атамановы глаза разгорелися
На чужой товар пуще прежнего.
Атаман кричит: «Вон ещё одно!»
А Степан ему: «Не замай! Бедно!
Коли взял Степана в товарищи,
На такой борошон не заглядывайся,
Поджидай товару настоящего!»

Как и зло взяло Уракова на Разина:
Он выхватывал пистолю из-за пояса,
Выпускал в него заряд да приговаривал:
«Не летать галчонку впереди орла!
Не бывать мальчишке мне указчиком!»
Есаул от пули не пошатнулся,
На кудрях черна шляпа не ворохнулась,
Атаманову пулю взад катит,
Взад катит да приговаривает:
«Не кидайся зря: пригодится, брат!»

Атаманушка со страху окарач пополз;
А Степан хватал пистолю разряжённую,

Он без пороху разбойника на месте клал;
Собирал его удалых добрых молодцов,
Говорил им, разудалый, таковы слова:
«Покажу вам, братцы, волюшку пошире той!
Айда-ка, ребята, под Астрахань!»

В ЖИГУЛИ!

«Эй, ребята, вверх по утра
Две посудыны прошли, —
Что здесь даром заживаться,
Перекинем в Жигули!..»

И с удалыми гребцами
По разливу вешних вод
Стенька Разин на охоту
В лёгкой лодочке плывёт...

Знай ныряй между кустами
Да поталкивай веслом
Застоявшийся в затоне
Прошлогодний бурелом...

Впереди река — что море,
А вдоль берега реки
Разметались на приволье
Рудожёлтые пески...

Видно, спешная работа:
Под рулём струи кипят,
Тихий говор раздаётся,
Да уключины скрипят...

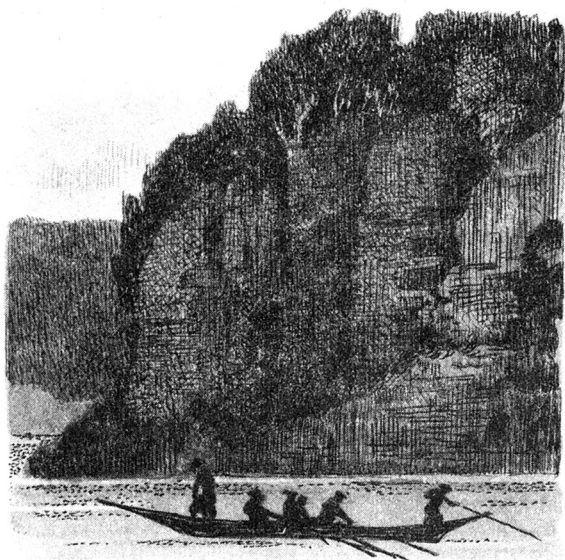
Вот смолою потянуло,
Показались Жигули;
Сосен тёмные вершины
Обозначились вдали...

Справа, слева обступают,
Смотрят с берега леса, —
Не шелѡхнется без ветра
Их зелёная краса...

«Ну, — кричит Степан, — дружнее!
Вёсла в воду, песни в ход!
Ночку, братцы, погуляем,
А наутро — чья возьмёт!..

Попытаем в буераке,
Порасспросим у реки, —
Не дадут ли нам подачу
С каравана бурлаки!..

До зари бы только, братцы,
К Молодецкому поспеть,
А теперь — что все примолкли?
Станем лучше песни петь!..»

Атаман тряхнул кудрями,
Сам ногою встал на край:
«Нам без песен неповадно...
Эй ты, Федька, начинай!..»

Удалая песня разом,
Вдруг откуда ни взялась,
И река от этой песни
Словно шире раздалась...

Месяц всплыл — красён и светел,
Ветер с Волги потянул;
Песне тёмный бор ответил,
Разнося далёко гул...

Да и где родиться песням,
Как не здесь, у этих гор,
Под удары дружных вёсел,
Выбиваясь на простор.

СТЕНЬКИНА ШУБА

От казацкого веселья
Захмелела вся река.
На судах и пьют и пляшут,
Выбивая трепака.

Под ударами подковы
Разудалых плясунов
Рвётся, словно холст дешёвый,
Ткань узорная ковров.

На парчу золотной ткани
И на бархат шаровар
Льются редкие напитки
Из больших чеканных чар;

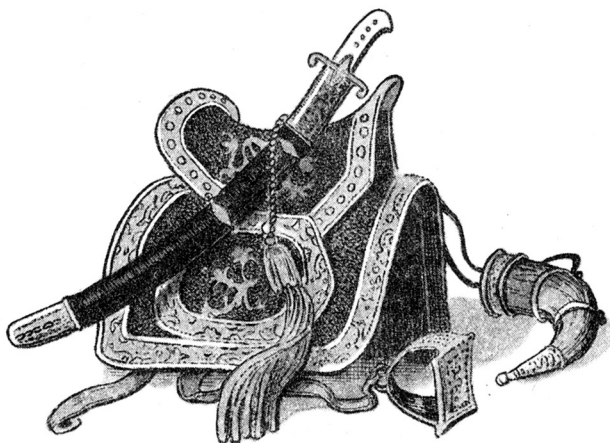
Налито рукою хмельной
И зелёное вино,
Алый бархат заливая,
Плещет с ними заодно.

И разносится далёко,
Гроыхая и звеня,
По широкому раздолью
Бесшабашная песня.

Воевода от Степана
Не отходит, так и льнёт:
На мосту на корабельном
С атаманом вместе пьёт.

«На, попробуй воровского! —
Шутку шутит атаман
И из рук своих с заморским
Подаёт тяжёлый жбан. —

Не претит?..» И тут же следом
Шлёт поминки и дары:
Бирюзу, жемчуг, и ткани,
И турецкие ковры.

Знай похваливай да клянчи —
Мимо рук не проплывёт:
Наложил добра в амбары
Воевода семь подвод.

Да один ли воевода!
И приказные дьяки
Насовали по карманам,
Понабили сундуки.

Только всё ему вишь мало,
Недоволен, старый пёс:
Так бы он, кажись, в амбары
Всё глазами и увёз.

Кубок сильно приглянулся...
Весом будет гривны три,
Золотой, в камнях ценных...
«Подари да подари!»

«На, прими!..» Какой цветною
Показалась больно шаль.
«Чай, уступишь, Тимофеич!» —
«На, бери — не больно жаль!»

Со Степана дорогую
Шубу тянет за рукав...
Видно, соболь показался
Да персидский златоглав¹.

«Ну, брат, шубой не уважу;
Есть на ней большой завет...
На подарок этот ценный
Моего согласу нет». —

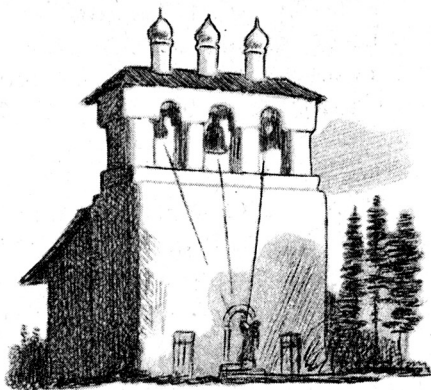
«Эй, отдай! Не ссорься лучше,
И на зло меня не нудь:
В силах я царёву милость
Так и этак повернуть...»

¹ Златоглавый — златоверхий; здесь: воротник, расшитый шёлковыми позолоченными нитями.

Вор ведь ты!..» Крепится Стенька...
Привскочил бы он с ковра,
Показал бы воеводе...
Да не Стенькина пора.

«Ты ведь, если разойдёшься,
Так намелешь сгоряча...
Пошутил я... — и спускает
Шубу ценную с плеча. —

На, старик, бери да помни,
Что и я порой сердит...
Не наделала бы шуба
Много шуму», — говорит.

С У Д

Не для торгу едет Стенька
И не шуточки шутить, —
Сбил он всех казаков вольных
Город Астрахань громить:

Выручать соболью шубу
К воеводе он плывёт, —
Ночью к стенам подступает,
К утру приступом берёт.

Все по городу в тревоге;
Воевода на коне, —
Пушкарей, людей служилых
Расставляет по стене.

Просит он стрельцов царёвых,
Городскую просит рать
За святую божью церковь
И за правду постоять...

Тяжело стучат пищали;
Бьют во все колокола,
Трубят... Мгла пороховая
Стены все заволокла...

Вдруг негаданно, нежданно
От Пречистенских ворот —
С тылу — шум несётся, крики,
И бросается народ...

«Бей, ребята!..» Самопалов
Раздаётся трескотня;
Всё смешалось, побежало,
Воевода сбит с коня.

Горожане, побогаче,
Разметались по церквам;
Вдоль по улицам широким —
Звон оружия и гам...

Вот пробит ясак¹ на сдачу —
Пять ударов... Город сдан,
И на площади соборной
Показался атаман.

Шапка набок у Степана,
Раскраснелось лицо;
Аргамак² под атаманом
Выгибается в кольцо.

¹ Ясáк — здесь: сторожевой сигнал.

² Аргамáк — порода коней.

«Ну, ребята! Где ваш враг?
Подай его сюда, —
Мы его теперь рассудим
Прежде страшного суда!»

Воеводу из собора
На ковре к нему несут;
У собора, под раскатом¹,
Стенька правит скорый суд.

Круг казачий в полном сборе;
Все ругаются, галдят:
«Что с ним, вором, время тратить?
Пусть попробует раскат!»

¹ Р а с к а т — плоская насыпь или помост под валом крепости.

«Собирайся, — молвит Стенька, —
Близок твой последний час!
Показать тебя народу
Поведу в остальной раз...»

Подхватил рукой и тащит
Воеводу за собой:
«Покорись, собака, лучше!..»
Тот мотает головой.

С перепугу воевода
Стал белее полотна;
А Степан ведёт на вышку,
Показались у окна,

Наклонился к воеводе,
Что-то на ухо шепнул,
Показал рукой на город,
Размахнулся и — толкнул:

«Вот так сокол-воевода!
Полетать охота есть,
Полетел, да вишь на гóре,
Не умеет нáземь сесть!»

* * *

Из-за острова на стрежень,
На простор речной волны
Выбегают расписные,
Острогрудые челны.

На переднем Стенька Разин,
Обнявшись с своей княжной,
Свадьбу новую справляет —
И весёлый и хмельной.

А княжна, склонивши очи,
Ни жива и ни мертва,
Робко слушает хмельные,
Неразумные слова.

«Ничего не пожалею!
Буйну голову отдам!» —
Раздаётся по окрестным
Берегам и островам.

«Ишь ты, братцы, атаман-то
Нас на бабу променял!
Ночку с нею провозился —
Сам наутро бабой стал...

Ошалел!..» Насмешки, шёпот
Слышит пьяный атаман —
Персиянки полонённой
Крепче обнял полный стан.

Гневно кровью налилися
Атамановы глаза,
Брови чёрные нависли,
Собирается гроза...

«Эх, кормилица родная,
Волга, матушка-река!
Не видала ты подарков
От донского казака!..

Чтобы не было зазорно
Перед вольными людьми,
Перед вольною рекою,
На, кормилица... возьми!»

Мощным взмахом поднимает
Полонённую княжну
И, не глядя, прочь кидает
В набежавшую волну...

«Что затихли, удалые?..
Эй ты, Фролка — чёрт, пляши!..
Грянь, ребята, хоровую
За помин её души!..»

В ОСТРОГЕ

Уж как заперли Степана
В белый каменный острог,
В белый каменный острог,
Под висячий под замок.

Он и первый день помешкал
И другой день погодил,
А на третий на денёчек
Разудалый говорил:

«Не пора ли нам, товарищи,
На Волгу на реку,
Что на Волгу на реку,
Ко царёву кабаку?»

Говорил он эти речи,
А сам уголь в руку брал,
А сам уголь в руку брал,
Лёгку лодочку писал.

«Вы подайте-ка, товарищи,
Водицы мне испить;
Что водицы ли испить
Да лиху беду избыть!»

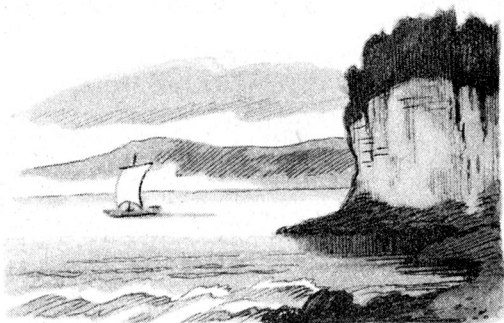
Принесёну воду не пил,
Ковшик на стену плескал.
Ковшик на стену плескал,
Громким голосом вскричал:

«Приударьте-ка, ребята,
Удалые молодцы,
Удалые молодцы,
Понизовые гребцы!»

Не успел он слова молвить —
Очутились на реке,
Что на Волге на реке
В разукрашенном стружке.

На корме ли сам хозяин
Усмехается, стоит.
Усмехается, стоит,
Товарищам говорит:

«Ночёсь крепко не спалося,
Братцы, сон я увидал —
Будто царский воевода
Стеньку Разина поймал!»

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Певец Волги. <i>Предисловие И. Халтурина</i>	3
К Волге	7
«Ущелья залиты весеннею водой...»	8
«Десятки вёрст взбегают горы...» .	9
В степи	10
Песня колосистой ржи	11
Лень перекатная	13
Хитрый заяц	16
Лисичка-сестричка	19
Попутный ветер	24
Родная река	32
В Жигулях	35
Молодецкий курган	37
Атаман и есаул	41
В Жигули!	45
Стенькина шуба	49
Суд	54
«Из-за острова на стрежень...» . .	59
В остроге	61

Для среднего школьного
возраста

Садовников Д. Н.

ИЗ-ЗА ОСТРОВА НА СТРЕЖЕНЬ

* *

Ответственный редактор Л. П. Шувалова. Художественный редактор Б. А. Дехтерёв. Технический редактор С. Г. Маркович. Корректор З. С. Ульянова. Сдано в набор 4/IV 1963 г. Подписано к печати 21/IX 1963 г. Формат 60×90^{1/16}. Печ. л. 4. Уч.-изд. л. 2,12. Тираж 150 000 экз. ТП 1963 № 147. Цена 6 коп.

Детгиз. Москва, М. Черкасский пер., 1.

Диaposитивы фабрики детской книги № 1,
Москва.

Отпечатано на 2-ой фабрике детской книги
Детгиза Министерства просвещения РСФСР,
Ленинград, 2-я Советская ул., 7,
Зак. № 212.

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР**

В 1963 году выйдут в свет для школьников младшего
возраста по серии «Книга за книгой» следующие произведения
русской литературы и фольклора:

ДРУЖНО — НЕ ГРУЗНО.

Пословицы о дружбе, товариществе, взаимопомощи

ПРО ЛЕНИВЫХ И РАДИВЫХ.

Сказки

Погорельский А.

ЧЁРНАЯ КУРИЦА.

Сказочная повесть

Садовников Д.

ИЗ-ЗА ОСТРОВА НА СТРЕЖЕНЬ...

Волжские предания и песни

СКАЗКИ ИЗ МУРОМА.

Записал В. Светозаров

Тютчев Ф.

ЛИСТЬЯ.

Стихи.

Обращайтесь за этими книгами в свои школьные и районные
библиотеки, а также в магазины Книготорга и потребитель-
ской кооперации. Книги Детгиза можно заказать по почте
наложенным платежом через отдел «Книга — почтой» област-
ных, краевых и республиканских книготоргов или по адресу:
Москва, Б-120, ул. Чкалова, 48-б, магазин Москниги № 94.